

АВГУСТ

1914

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ
ПЕРВОЙ
МИРОВОЙ

СЕРГЕЙ
КРЕМЛЁВ

Август 1914. Все о Первой мировой

Сергей Кремлев

**Политическая история
Первой мировой**

«Алисторус»

2014

Кремлев С.

Политическая история Первой мировой / С. Кремлев — «Алисторус», 2014 — (Август 1914. Все о Первой мировой)

Без знания того, как и для чего задумывалась Первая мировая война, как она начиналась, продолжалась и закончилась, нельзя понять то, что происходит в мире сегодня. При этом политическая история Первой мировой интересна и поучительна сама по себе. Сергей Кремлёв восстанавливает тайную подоплёку происходившего на глазах сотен миллионов людей, и показывает – какие силы двигали миром накануне XX-го века и в его начале, почему произошла Первая мировая война, кто и зачем её готовил? Он вскрывает технологию, по которой русских и немцев стравили друг с другом в первый раз. Это столкновение, ненужное ни России, ни Германии, было организовано «Золотым Интернационалом» финансистов в интересах будущего мирового господства Америки. Среди исторических фигур, присутствующих на страницах книги, – императоры Николай II и Вильгельм II, публичные политики Ллойд Джордж, Клемансо, Бисмарк, президент США Вильсон, «закулисные» деятели: «серое преподобие» германского МИДа барон Гольштейн, международный торговец оружием Бэзил Захаров, «серый полковник» из США Мандель Хауз, а также: министр иностранных дел Англии сэр Эдуард Грей, финансисты Витте и Ротшильды, русский военный агент в Скандинавии и Париже граф Игнатьев, глава еврейской общины Петербурга – истопник гвардейских казарм фельдфебель Ошанский, и многие другие... Новый, и при этом увлекательный, взгляд на предысторию, историю и «после-историю» старой войны – суть книги Сергея Кремлёва.

© Кремлев С., 2014

© Алисторус, 2014

Содержание

Предисловие автора	7
Часть первая. От седанской катастрофы До парижской конференции	15
Глава 1. Образование единой Германии и расцвет «колониальной» эпохи	15
Глава 2. Политика премьера Витте против политики канцлера Бисмарка	29
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Сергей Кремлёв

Первая мировая: новый взгляд на старую войну

© Кремлёв С., 2014

© ООО «Издательство Алгоритм», 2014

* * *

На Америку Европа всегда должна смотреть открытыми глазами и не давать никакого предлога для обвинений или репрессий.

Америка усиливается с каждым днём. Она превратится в огромную силу, и придёт момент, когда перед лицом Европы, сообщение с которой станет более лёгким в результате новых открытий, она пожелает сказать своё слово в отношении наших дел и наложит на них свою руку.

Политическая осторожность потребует тогда от правительств старого континента скрупулёзного наблюдения за тем, чтобы не представилось никакого предлога для такого вмешательства.

В тот день, когда Америка придёт в Европу, мир и безопасность будут из неё надолго изгнаны».

Шарль-Морис Талейран, конец XVIII века

Предисловие автора

Уважаемый читатель!

2014 ГОД – год 100-летия со дня начала Первой мировой войны. По этому поводу издаются научные монографии, произносятся много речей, в эфир выходят специальные телевизионные передачи и фильмы, претендующие на документальность... И то и дело говорят о «забытой» «Великой» войне, которую якобы замалчивали злодеи антипатриоты большевики... С «патриотической» квасной пеной у рта повествуют о том, что эту войну когда-то называли «второй Отечественной», имея в виду, что первой была война с Наполеоном.

Однако за всеми этими потоками слов практически невозможно услышать простую правду о той войне. А правда эта заключается в том, что Первая мировая война была задумана мировым Золотым Интернационалом в интересах Америки, обслуживала интересы Америки и одной из своих генеральных целей имела цель стравливания и взаимного обессиливания России и Германии, то есть тех двух держав, мирное партнёрство которых исключало бы мировое главенство Америки.

При этом России Америка боялась в перспективе даже больше, чем Германии. Германия к началу Первой мировой войны была конкурентом Америки в реальном масштабе времени – мы это увидим. Россия же с её огромным потенциалом представляла опасность для Америки в будущем. Собственно, к 50-м годам XX века так и произошло. Поэтому в некотором смысле Первую мировую войну можно рассматривать как войну Америки против будущего России...

Да, это – необычный взгляд на ту войну, но это – правдивый взгляд, уважаемый читатель!

Правда о тех днях заключается и в том, что война России с Германией была России не нужна, её вполне можно было избежать. И хотя в ходе этой войны русский солдат проявил себя нередко как герой и умелый воин, подвиги его были исторически бессмысленны: не за Россию и не за интересы её народов проливал он свою кровь с осени 1914 года по осень 1917 года...

С разработки и анализа этого сюжета мировой истории я в своё время – в конце прошлого века – начал свою работу на поприще исторических изысканий. Результатом стал выход в свет в начале уже нового века, в 2003 году, моей первой книги «Россия и Германия: сравнить! (От Версаля Вильгельма к Версалю Вильсона)».

За ней последовали две другие чисто исторические работы «Россия и Германия – вместе или порознь?», «Россия и Германия: путь к Пакту», затем – «Кремлёвский визит фюрера» с последней виртуальной главой и позднее – ещё более виртуальная «Если бы Гитлер не напал на СССР». Однако даже последняя книга не беллетристика, а особый тип исторического исследования.

Сейчас же я предлагаю вниманию читателя новое, дополненное и переработанное издание своей первой «германской» книги. Как-никак, со времени первого издания прошло более десяти лет, и эта «проба пера» нуждалась в глубокой, даже чисто стилистической правке. Не говоря уже о том, что за десять прошедших лет сильно углубилось и расширилось моё понимание новой и новейшей истории мира и России...

Вообще-то в планах было написание на материале старой книги более капитального по охвату фактов и событий труда о Первой мировой войне, ставшей и первой, по сути, войной русских и немцев. К сожалению, большая работа над книгой о В. И. Ленине отняла у меня те силы и то время, которое я предполагал истратить на «русско-германскую» тему. Однако и то, что предлагается читателю, – во многом новая книга.

К тому же, как говорится, «дорога ложка к обеду»... И я надеюсь, что на фоне усиливающейся фальсификации предыстории, истории и послеистории Первой мировой войны в год её 100-летия, выход в свет такой книги будет тем более уместным и необходимым, что первый новейший конфликт русских и немцев – взаимно бессмысленный и спровоцированный враж-

дебными силами – оказался в системном смысле тесно связан со вторым их конфликтом, о чём ниже будет кратко сказано...

В XX веке русские и немцы могли и должны были мирно сотрудничать, взаимно дополняя свои созидательные усилия.

А они два раза друг с другом воевали.

И ради чего?

В ОДИН ненастный день осени 1997 года я в очередной раз задумался над давно интересовавшим меня вопросом: «Насколько было неизбежным столкновение СССР и Германии?». В смертельном противостоянии двух великих держав и народов Германия проиграла. Но и Россия, как оказалось, в исторической перспективе одержала победу пиррову. И такой она стала не в последнюю очередь потому, что в первой половине сороковых годов Советскому Союзу пришлось заниматься трудом не мирным, а ратным.

К 1941 году наши общественные перспективы были без преувеличений грандиозными. Если бы третья пятилетка в 1942 году была завершена так, как намечалось, и была возможность к 1947 году выполнить четвёртую пятилетку, то уже к началу пятидесятых годов изумлённый мир увидел бы воочию, чего даже в такой отсталой в прошлом стране, как Россия, может достичь народ, работающий не на паразитическую и полупаразитическую элиту, не на финансово-промышленные структуры Золотого Интернационала, а на себя.

Прогресс экономический обеспечил бы благосостояние народов России, в жизни прочно обосновались бы новые поколения, качественно иначе образованные по сравнению с отцами и дедами, качественно более культурные. А за достатком, образованием и культурой пришла бы и социалистическая демократизация как расширение возможности для широкой массы самой управлять своей судьбой.

22 июня 1941 года всё изменило как для России, так и для Германии, закончившись 9 мая 1945 года. Тогда победила Россия. И хотя Германия ныне далеко обошла свою былую победительницу, в исторической перспективе немцы тоже упустили свой исторический шанс! Ведь если бы не последний «Drang nach Osten», Германия могла бы сегодня быть (и по праву!) второй державой мира – после СССР.

Конфликт был обоюдно бессмыслен, но был ли он автоматически запрограммирован противостоянием коммунистического СССР и националистического Третьего Рейха?

На первый взгляд, утвердительный ответ очевиден. Скажем, будущий Маршал Советского Союза Борис Михайлович Шапошников ещё в бытность свою командующим войсками Ленинградского, а потом и Московского округов издал в 1927–1929 годах знаменитый трёхтомный труд «Мозг армии», где говорилось: «Великие войны подобны землетрясению... Это пережитое «землетрясение», к сожалению, ещё... не лишило империализм его удушающих человечество объятий анаконды... Предстоит ряд войн, войн ожесточённых, ибо те противоречия, которые существуют между капиталистической формой мирового хозяйства и нарождающейся новой экономической структурой, настолько велики, что без больших жертв и борьбы не обойтись».

Соответственно, СССР готовился к войне, как и другие державы, как и Германия. И очень многие считали, что именно этим двум странам придётся в будущем столкнуться опять. Мол, здесь всё программирует «идеология»...

Но вот мнение японского советолога профессора Тэратани: «К заключению советско-германского договора идея всемирной революции отошла на второй план. Троцкий вывел свою теорию «перманентной революции». Сталин с этой романтикой покончил. При нем, то есть в 30-е годы, произошла определённая деидеологизация советской внешней политики».

Профессор Тэратани справедливо считал, что Сталин отдавал приоритет обеспечению суверенитета СССР. Иными словами, идеологические установки СССР ориентировали на

войну, и с этой точки зрения она становилась и впрямь неизбежной. Однако непосредственно государственные интересы ориентировали на мир...

И уже одно это обстоятельство делает всё не таким уж и очевидным!

Правда, сам же Тэратани писал: «Нередко можно встретить утверждение, что большевизм и нацизм – одного поля ягоды. Я с этим решительно не согласен. Нацизм и большевизм – генетические враги».

Вроде бы верно? Да, если иметь в виду идеологию. Но верно ли в целом? Задаваясь этим вопросом, я отнюдь не присоединяюсь к тем фальсификаторам истории, которые пытаются убедить нас, что Сталин-де и Гитлер – явления родственные. Родства – ни идейного, ни духовного – не было и в помине. А вот нечто, способное примирять и подталкивать к поиску общих *государственных* интересов, пожалуй, было...

Тот же Тэратани – в отличие от многих нынешних российских расстриг с учёными степенями по «марксистской истории» – признаёт, что к концу тридцатых годов сталинский СССР ставил во главу угла себя, а не химеры Троцкого. Да ведь и Ленин, скажем в скобках, в своих последних работах тревожился о том, как нам «организовать соревнование», как «реорганизовать Рабкрин», а не о том, как разжечь «мировой пожар».

То есть большевизм Сталина имел всё более явно выраженный государственный и даже, я бы сказал, национальный характер. Только национальная окраска тут была не чисто русская, а новая – советская.

Над тезисом о «советском народе» как о новой исторической общности людей сейчас смеются. Но мысль о том, что в начале XX века в России началась складываться новая нация – российская, высказывал уже генерал Деникин в «Записках русского офицера», изданных до Первой мировой войны. В СССР эта тенденция, тонко подмеченная Антоном Ивановичем, лишь развивалась и укреплялась. И большевизм сталинской формации всё чаще ставил интересы новой советско-российской нации превыше всего. При этом интересы советского народа не конфликтовали с интересами остальных народов мира, а находились на передовом рубеже подлинных, то есть созидательных и справедливых, интересов человечества.

Германский же нацизм превыше всего ставил интересы немецкой нации и только немецкой нации. Взгляд высокомерный и неконструктивный, чего уж тут отрицать! Однако высшие интересы обеих наций – и советско-российской, и германской – заключались в обеспечении взаимной дружбы и сотрудничества, у которых были и естественная экономическая основа, и глубокие исторические корни. И вот на почве общности национальных интересов СССР и Германия совсем не обязательно должны были сойтись в рукопашной.

ПРОФЕССОР Тэратани не ошибался так уж серьёзно: нацизм и большевизм как идеологии действительно были генетически глубоко чужды друг другу, вплоть до прямого антагонизма.

Но это не означало, что такими же генетическими врагами были нацистский Третий рейх, как государство германского народа, и социалистический Советский Союз, как государство советского народа. Два государства, Германское и Российское, исторически и геополитически изначально врагами не были. В системном смысле Германия и Россия были призваны не уничтожать, а дополнять друг друга. И тем не менее они за короткий исторический период дважды вели жестокие войны.

В чём дело?

Почему?

Напомню, что вначале меня заинтересовали обстоятельства и истоки формирования конфликта «Германия – СССР». Но, подробно рассматривая их, я вынужден был опускаться по временной шкале вглубь времён, ибо там отыскивались истоки: от начала тридцатых годов – к

послеверсальской Веймарской Германии и полутроцкистскому СССР начала двадцатых годов, затем – к Версальскому миру, Первой мировой войне и – к её предыстории.

Не поняв, как стравливали два народа, в сути Первой мировой войны толком ничего понять нельзя. И лишь после того, как предыстория, история и послеистория той старой Войны легла на бумагу, я понял, что нерв ситуации я нащупал верно.

Надеюсь, по прочтении книги читатель со мной согласится.

Основная её идея ясна: Первую мировую войну (как и Вторую мировую войну) задумало и обеспечило Мировое Золото. Властвующие эксплуататорские элиты мира – не просто основная, но единственная причина обеих великих войн XX века. При этом, погружаясь в давно отшумевшие, а всё ещё не устаревшие страсти, я раз за разом приходил к мысли об искусственности участия дореволюционной России в войне западного мира с Германией.

Не должны мы были с ней воевать... Ни к чему это было нам с любой точки зрения, если, конечно, иметь в виду точку зрения друга России, а не её недоброжелателя.

Исследуя проблему «германцы – русские славяне», можно было бы добраться до времён поздней Римской империи и даже более древних – ведических, арийских. И, идя мысленно по этому пути, далеко не богатом взаимными конфликтами, можно вспомнить, что Ливонскую, например, войну Иван Грозный вёл не с немцами, а со *шведами*, что на Грюнвальдском поле смоленские полки были в силу того, что смоленские земли находились тогда под властью *Литвы*, что Александр Невский получил своё прозвище за невскую победу 1240 года не над немецкими «псами-рыцарями», а над *шведским* войском во главе с родственником *шведского* короля Биргером.

Да и Ледовое побоище, хотя и произошло через два года в столкновении с Тевтонским орденом, было не чисто двусторонним конфликтом. Орденские войска (даром что орден называли также Немецким) были фактически *интернациональными* (немцы, датчане, рыцари-добровольцы из других европейских стран, чудь-эсты).

Первое издание Большой Советской энциклопедии в томе первом за 1926 год называет среди врагов Невского шведов, ливонцев, литовцев, а о немцах даже не упоминает. Сам же Тевтонский орден появился на Балтике по приглашению *польского* князя Конрада Мазовецкого и обосновался там волею *католических владык Запада* для борьбы с литовскими язычниками-славянами. Да, ориентировали тевтонских рыцарей и на православную Русь, но *рыцарей*, а не немцев как таковых.

А вот в 1940 году, в том же первом издании БСЭ, но уже в томе 45 Ледовое побоище описывалось с упором «на немцев»... Думаю, не Сталин и не друзья России подписывали в печать энциклопедическую статью с подобной направленностью. В чём же тогда было дело? Думаю, в том, что не только в 1914-м, но и в 1940-м году желающих спровоцировать и стравить два народа в смертельной схватке хватало...

МЫ ПОМНИМ о победах русских чудо-богатырей при Егерсдорфе и Кунерсдорфе над прусским войском в Семилетней войне, о том, что в 1760 году русские доходили до Берлина в первый раз (заняв его, правда, всего-то на три дня). Но мы плохо помним, что Семилетняя война началась из-за колониальных свар Англии и Франции, а потом в эту абсолютно ненужную России войну нас втянула в своих интересах австрийская императрица Мария-Терезия. Она ловко использовала личную обиду Елизаветы Петровны на прусского Фридриха.

Конфликт Пруссии и России был выгоден лишь Австрии, Франции, Англии и Швеции. Знаменитый мемуарист тех времен Андрей Болотов (сам участник Семилетней войны) писал: «Заключены были (*Марией-Терезией*. – С. К.) тайные союзы с саксонским курфюрстом, бывшим тогда вкупе и королём польским, также с королём французским и с самою Швециею. Употреблены были все удобовозможные способы к заключению такового же союза с Россиею

и к преклонению её к тому, чтоб и она вплелась в сие замышляемое и до неё нимало не касающееся дело».

Да, с тех пор как Россия превратилась в европейский и мировой фактор, её пытались «вплести» и «вплетали» в чуждые ей авантюры не раз. И поговорить об этом было бы не лишним, но такое путешествие во времени увело бы нас слишком далеко от проблем недавних и нынешних. Поэтому я остановился в Зеркальном зале Версаля конца семидесятых годов позапрошлого века и, полюбовавшись на золото мундиров и сияние бриллиантовых коле, отправился в обратный путь. А почему я стал «плясать» именно от версальских дворцовых зеркал, читатель вскоре узнает...

Принимаясь за переоценки новейших отношений русских и немцев на рубеже XIX и XX века и в начале XX века, я не шёл от личных симпатий и антипатий, не выстраивал заранее схем и не хотел исходить из чьих-то чужих построений. Я не следовал за устоявшимися схемами, однако и не игнорировал их, а критически переосмысливал. И при этом старался оставлять то, что позволяло выявлять историческую истину, а не подправлять её в каком-либо заранее заданном духе: «коммунистически-официозном», националистическом, прозападном или антисоветском.

Не стремясь к лаврам чрезмерно (а порой и *злостно*) беллетризирующего историю Валентина Пикуля, я хотел добиться лёгкости, но не легковесности восприятия читателем серьёзных фактов и оценок.

Первым «китом», на котором покоился мой подход, был критический анализ дореволюционных, советских, постсоветских и западных источников.

Вторым «китом» стала уверенность в общности человеческих проявлений в любую эпоху. Чтобы понять, насколько истинно то или иное писаное историческое свидетельство той или иной эпохи, полезно и даже необходимо представить себя в этой эпохе, на месте её героев – и героев без кавычек, и «героев» в кавычках.

А третьим «китом» была избрана честность подхода. Я не хотел дать некую новую «версию» давних событий, а старался провести наиболее близкую к тому, что было на деле, реконструкцию. То есть восстановить подоплёку происходившего на глазах сотен миллионов людей...

Когда же каркас моих представлений о тех временах наметился, я взял за правило не бояться испытать его на прочность раз за разом, сравнивая то, что получилось у меня, с тем, что делали до меня другие. И, на мой взгляд, «здание», в которое я предлагаю войти читателю, выстроено не на песке.

Между прочим, в двадцатые годы на эту же тему, беря точно те же временные рамки, написал свою книгу «Европа в эпоху империализма. 1871–1919» академик Е. В. Тарле. Честно говоря, узнал я о ней уже после того, как первый вариант моей книги был готов, и, изучив труд Евгения Викторовича, был рад, что прочёл его после, а не до написания своего «Версаля...». Книга Тарле великолепна по фактографии и, как всегда у него, блестяща. Однако исторически она мало состоятельна, а почему я так её оцениваю, читателю станет, надеюсь, ясно при чтении моей книги.

Разные историки и авторы лгали или умалчивали о тех или иных существенных обстоятельствах по-разному. На взгляды и готовность к точности «историков» на службе «ренегатского» ЦК КПСС влияли одни факторы, на позиции западных историков – другие...

Мемуаристы зачастую были ещё более пристрастны, чем историки, а если были честны они, то подправками реальной истории занимались редакторы их мемуаров. В постсоветские времена на российских информационных просторах начали рыскать совсем уж отпетые лжецы, конъюнктурщики и «историки»-расстриги.

Правят бал они и поныне...

Но и среди вранья может попадаться прочная, надёжная правда. Отыскать в этих завалах, созданных совместно Востоком и Западом, не бутафорские, а настоящие «кирпичи» событий, фактов и причин было непросто, но я старался, читатель.

ПОВТОРЮ: без знания того, как и для чего задумывалась Первая мировая война, как она начиналась, продолжалась и закончилась, невозможно понять ни то, для чего задумывалась и как начиналась Вторая мировая война, ни то, что происходит в мире сегодня. Однако история с Первой мировой интересна и поучительна и сама по себе.

Почувствительна тем, что хорошо вскрывает технологию, по которой в XX веке русские и немцы были столкнуты лбами вначале в первый, а потом и во второй раз.

Столкнут ли нас ещё и в третий? Вопрос не праздный. Уничтожаемую извне и изнутри нынешнюю Россию внешний мир может брать, казалось бы, голыми руками.

Так нас и берут.

Однако можно ли нас взять руками вооружёнными? По сей день – вряд ли, потому что если народы России окажутся на краю *видимой* гибели, они, как встарь, ошестивятся, пожалуй, иглами сопротивления. Соответственно, для России, осознавшей себя как суверенная и независимая держава, конфронтация с внешним миром неизбежна.

Но какая позиция Германии по отношению к России будет отвечать интересам германского народа? Выгодна ли для Германии новая конфронтация с Россией? Задумываться об этом надо сегодня, чтобы наше завтра было более умным и осмотрительным, чем поза- и позавчера.

О Первой мировой войне писал и Солженицын... Самобытный историк и публицист Николай Николаевич Яковлев оценил роман Солженицына «Август четырнадцатого» как книгу, проникнутую «смердяковской» тоской о том, что, мол, «умная нация» (то есть немцы) не покорила нацию «весьма глупую» (то есть нас)... Оценено неплохо, хотя Смердяков говорил, вообще-то, о французах: «Хорошо бы нас покорили тогда эти самые французы: умная нация покорила бы весьма глупую-с и присоединила к себе. Совсем даже были бы другие порядки...».

Всё же Яковлев был и прав, и не прав...

Справедливо отвергая «смердяковскую» концепцию Солженицына, он не увидел благотельности идеи о значении Германии для России. Не покорение русских – нации социально весьма неопытной и неумелой – немцами, то есть нацией действительно более организованной и деловитой, а взаимовыгодные *мирные* связи – вот что было бы оправдано и политически, и экономически, и цивилизационно тогда и что оправдано и необходимо – с определёнными коррективами – и сейчас.

Сказанное выше не надо оценивать как низкопоклонство перед Германией, как проповедь нашей неполноценности. На мой взгляд, только так может мыслить не просто любящий свою Родину русский человек, но человек, осведомлённый об истории русских и немцев... В марте 1918 года на VII съезде партии Ленин говорил:

– Последняя война дала горькую, мучительную, но серьёзную науку русскому народу – организовываться, дисциплинироваться, подчиняться, создавать такую дисциплину, чтобы она была образцом. Учитесь у немца его дисциплине, иначе мы – погибший народ и вечно будем лежать в рабстве...

В такой констатации Ленина не было чувства цивилизационной неполноценности России, но было трезвое понимание тех *исторически* (со времён проклятого татаро-монгольского ига) сложившихся пороков национального русского характера, изжить которые нам было бы наиболее просто в союзе лишь с одним «внешним» народом – немецким. И тогда же Ленин произнёс следующие слова, лишней раз аттестующие его как глубоко русского патриота:

– Когда наступит пора обновления, то все почувствуют это, увидят, что русский человек не дурак... Надо уметь работать на новом пути...

Насколько по-иному мог бы сложиться мир XX века, если бы русские и немцы на всём протяжении этого века, начиная с его начала, работали сообща на пути созидания.

И это ведь было бы возможным, если бы не внешнее подстрекательство, не глупость российских «лидеров», начиная с царя Николая...

В разгар нашего первого трагического конфликта с Германией – 4 октября 1917 года – немец Томас Манн писал немцу же, профессору Виткопу: «И как я люблю всё русское! Как веселит меня его противоположность всему французскому и его презрение к нему, с которым встречаешься в русской литературе на каждом шагу! Насколько ближе друг другу русская и немецкая человечность! Моё многолетнее искреннее желание – согласие и союз с Россией»...
Вот так.

* * *

Предисловие 2003 года я закончил так:

«Остаётся сказать последнее... Я не старался связать в этой книге «все концы» – скорее, здесь завязан ряд «узелков на память». В подзаголовке названия я написал «Новый взгляд на старую войну», но можно было написать и «прямой взгляд, непредвзятый».

И, конечно, мне хотелось приобщить тебя, уважаемый читатель, к такому своему взгляду, убедить тебя в своей правоте. Но прежде всего мне хотелось написать не просто точную и строгую с фактической точки зрения книгу, а написать книгу интересную.

Я старался, читатель. А что из этого вышло, судить тебе».

В 2014 году прибавлю, что вышло тогда не так уж и плохо – первый блин оказался вовсе не комом. Книга была встречена с интересом, за первым тиражом последовали два дополнительных...

Но это лишний раз доказывает необходимость её переиздания после переработки, ибо сегодня, слыша и читая то, что говорят и пишут о Первой мировой войне, невольно вспоминаешь горькую сентенцию: «Лучшая ложь – правда».

За горами формально точной информации, статистики, за километрами тогдашней кинохроники скрывают то, что Первая мировая война была первой по-настоящему массовой Мировой бойней, организованной молодым мировым империализмом... Что эта война быстро лишилась флёра героизма, а для России и Германии эта война была полностью бессмысленной.

Однако сегодня приходится сделать некую поправку.

Десять лет назад, когда Россия ещё не была втянута в кризис так глубоко, как сейчас, я писал, что главным из наших войн с немцами должен быть вывод о том, что во внешнем мире у нас может быть лишь один разумный партнёр – Германия...

Увы, Германия опять ведёт себя не самым разумным образом (о России в формате Путина вообще не разговор), зато во Франции просыпается разумное национальное чувство самосохранения, выраженное в «лепенизме»... Нельзя допустить до того, чтобы возник новый исторический конфликт между французами и немцами. При этом оптимальную Европу будущего можно иметь лишь на базе тройственного партнёрства России, Германии и Франции.

Да, Россия может и обязана стать лидером новой Европы, но таковой может стать лишь новая Россия, сбросившая с себя олигархат, либерастию и «егэшный» путинизм, то есть Россия социалистическая, вновь объединившая вокруг себя народы Российского геополитического пространства.

Такая и только такая Россия сможет исправить ошибки прошлого и сделать Германию своим стратегическим партнёром в работе на благо Европы и всего мира.

*Сергей Кремлёв (Сергей Брезкун),
10 июня 2014 года.*

Часть первая. От седанской катастрофы До парижской конференции

Глава 1. Образование единой Германии и расцвет «колониальной» эпохи

ЭПОХУ между двумя мировыми войнами, как и нашу эпоху, нельзя понять, не зная и не понимая того, из чего возникла Первая мировая война.

И здесь есть ряд ключевых вопросов...

Готовилась ли война?

Если готовилась, то кем, как и зачем?

Насколько она была неизбежна?

И как протекали основные мировые и европейские события, которые ей предшествовали?

Между прочим, даже в те времена, когда всё и происходило, перед этими вопросами пасовали серьёзные европейские историки. Французский профессор Дебидур свой наиболее известный труд «История европейской дипломатии», закончил в 1891 году так: «Мы можем надеяться (не впадая в утопию), что наиболее опустошительные завоевательные войны, причинами которых почти всегда является честолюбие какой-либо династии или необдуманый порыв какого-либо народа, станут в Европе всё более и более редкими».

Здесь было ошибкой всё: и объяснение причин, и само предвидение хода событий. Через четверть века после прогноза Дебидура в самом центре Европы шла именно опустошительная завоевательная война с участием соотечественников профессора.

Но где и когда она началась?

На вопрос «Когда она закончилась?» ответить проще. Окончательно она завершилась 28 июня 1919 года во Франции, в Версале, когда были поставлены подписи под основным документом, фиксирующим итоги Первой мировой войны.

А если мы пойдём по шкале времени назад?

Тогда, перебирая прошлое год за годом, можно увидеть, что и начиналась Первая мировая там же – в Версале. Во всяком случае, в Версале во второй половине XIX века начался отсчёт подготовки условий для такой европейской войны, в малейшее сравнение с которой не шли даже наполеоновские войны.

ВЕРСАЛЬ – это бывшая деревушка, позже – маленький городок в восемнадцати километрах от Парижа. Людовик XIV устроил в нём свою блестящую резиденцию, и с тех пор Версаль вошёл не только в придворные хроники, но и в историю дипломатии. В 1763 году – за шесть лет до рождения Наполеона – Генуэзская республика передала здесь Франции Корсику. В 1783 году Версальский мирный договор утвердил независимость США. В свете будущих далеких событий – деталь символическая.

О красоте Версальских фонтанов слышали все. Менее известно, что, для того чтобы Король-Солнце мог любоваться блеском водяных струй, тут вначале рекой лились и золото, и кровь. На постройку водопровода для версальских каскадов королевская казна за три года истратила девять миллионов ливров. У тридцати же тысяч солдат и каменщиков, занятых на строительстве, были только жизни. Жизнью и пришлось заплатить за королевское удовольствие десяти тысячам из них. А весь Версальский комплекс обошелся народу Франции деньгами в полмиллиарда ливров.

Общий итог человеческих жертв, понесённых Францией ради создания красот Версаля, от историков ускользнул.

Версаль столетиями был символом вечного празднества, но его *подлинная* символическая суть иная: за внешним золотым блеском для сотен избранных – нищета, страдания и смерть сотен миллионов тех, кто этот блеск создавал.

Ко второй половине девятнадцатого века в версальских прудах отразилось много великих событий. Здесь французская монархия достигла пика своего могущества при Людовике XIV, отсюда же король Людовик XVI и королева Мария-Антуанетта отправились в путь, закончившийся для них на гильотине.

Здесь проходил короткими шажками император французов Наполеон, и здесь же красовался – значительно позже – его племянник, император Наполеон III. Вторая империя третьего Наполеона закончилась вместе с капитуляцией французской армии при Седане во время франко-прусской войны.

ОБ ЭТОЙ ДАВНЕЙ войне, имевшей эпохальное значение не только для обеих стран – её участниц, но и для остального большого мира, в Советском Союзе писали всегда невнятно. До прямых фальсификаций дело не доходило, однако ракурсы подачи эпохи были смещены серьёзно.

В чем тут дело? Пожалуй, в том, что одним из результатов войны стало вначале образование, а затем падение Парижской Коммуны. И причастность Пруссии, Бисмарка, Мольтке к разгрому Коммуны программировала негативное отношение к победе немцев в трудах советских историков.

У «историков ЦК КПСС» выходило так, что угрюмая, воинственная, милитаристская, кровожадная и агрессивная Пруссия, желающая поскорее выполнить программу объединения Германии «железом и кровью», вторглась в солнечную и жизнерадостную Францию, жестоко подавила её, отняла у неё провинции Эльзас и Лотарингию и ограбила побеждённых французов, наложив на них контрибуцию в 5 миллиардов франков.

Бисмарка же вообще обвиняли в подлоге. Он якобы и спровоцировал войну, вычеркнув несколько существенных фраз из так называемой «Эмской депеши», перед тем как передать её в печать.

Имея перед глазами такую схему, не сразу можно было разобраться в том, что войну-то 19 июля 1970 года объявила Пруссии Франция! Причём великий наш писатель Иван Сергеевич Тургенев, связанный с французской общественной средой теснейшим образом, тем не менее оценил это объявление как «бесправное (*то есть необоснованное*. – С. К.), дерзко-легкомысленное».

И заносчиво-агрессивное, прибавлю уже я. Французская империя Наполеона III вознамерилась как минимум присвоить Рейнскую провинцию с историческими городами Кёльном, Аахеном, Триром (родиной Карла Маркса), то есть, как комментировал всё тот же Тургенев: «едва ли не самый дорогой для немецкого сердца край немецкой земли».

Французы были заранее уверены в победе. Их ружьё Шаспо по дальности (до 1800 м) и скорострельности (9 выстрелов в минуту) превосходило прусское игольчатое ружьё Дрейзе. Решительный перевес у немцев был в артиллерии: крупновские стальные нарезные орудия стреляли на 3,5 километра, а французские бронзовые – не далее 2,8 километра. Зная это, можно сказать, что война оказалась неким противостоянием фанфаронистой «бронзы чувств» и современных, новейших «стальных воли и ума».

В своих «Письмах о франко-прусской войне», написанных в августе 1870 года в Баден-Бадене, Тургенев отмечал: «Шансы на стороне немцев. Они выказали такое обилие разнородных талантов, такую строгую правильность и ясность замысла, такую силу и точность испол-

нения, численное их превосходство так велико, превосходство материальных средств так очевидно»...

Написал Тургенев и о противниках немцев: «Я и прежде замечал, как французы менее всего интересуются истиной... Они очень ценят остроумие, воображение, вкус, изобретательность – особенно остроумие. Но есть ли во всём этом правда? С этим нежеланием знать правду у себя дома соединяется лень узнать, что происходит у других, у соседей. И притом кому же неизвестно, что французы – «самый учёный, самый передовой народ в свете, представитель цивилизации и сражается за идеи»... При теперешних грозных обстоятельствах это сомнение, это незнание, этот страх перед истиной, это отвращение к ней страшными ударами обрушились на самих французов».

Тургенев надеялся, что поражения образумят Францию, заставят её посмотреть саму на себя трезвым взглядом, как это было с Россией после Крымской войны. Однако, забегая вперёд, можно сказать, что верных выводов французы так и не сделали... Вместо того чтобы упорно работать, учиться у немцев ежедневному строительству экономической мощи страны (а заодно учиться и уважать своих учителей-соседей, как это сделал наш Пётр в отношении шведов), французы все страсти галльской души вложили в идею «реванша над бошами». И уже одно это обстоятельство давало основание ожидать в будущем крупного военного конфликта на тех же полях сражений – в районе Страсбурга, Меца, Шалон-сюр-Марна... И ожидать по вине не столько немцев, сколько недалёких, но мстительных французов.

Смысл франко-прусской войны часто видят в «захватнических планах» прусского юнкерства. Что ж, одной из причин было и это. Но вот как его, этот смысл, представлял себе в реальном масштабе времени человек истинно русский, долго живший во Франции, скончавшийся в Буживале, близ Парижа, однако и Германию считавший своим «вторым отечеством». Я имею в виду опять-таки Ивана Тургенева. Его свидетельства и оценки ценны сразу по нескольким причинам, ведь он и хорошо осведомлённый современник, и тонкий, внимательный наблюдатель, и великий писатель, и объективный аналитик, приверженный не одной чьей-то стороне, а только собственному видению событий. Увидеть франко-прусскую войну его глазами будет для нас и полезно, и интересно.

Да и, пожалуй, неожиданно...

Так вот, 8 августа 1870 года Тургенев писал П. В. Анненкову: «Я с самого начала, вы знаете, был за них (*немцев*. – С. К.) всею душою, ибо в одном бесповоротном падении наполеоновской системы вижу спасение цивилизации, возможность свободного развития свободных учреждений в Европе: оно было немислимо, пока это безобразие не получило достойной кары... Говоря без шуток: я искренне люблю и уважаю французский народ, признаю его великую и славную роль в прошедшем, не сомневаюсь в его будущем значении; многие из моих лучших друзей, самые мне близкие люди – французы; и поэтому подозревать меня в преднамеренной и несправедливой враждебности к их родине, вы, конечно, не станете».

И Тургенев не просто личную точку зрения излагал, а писал чистую правду, сообщая: «Я всё это время прилежно читал и французские, и немецкие газеты и, положа руку на сердце, должен сказать, что между ними нет никакого сравнения. Такого фанфаронства, таких клевет, такого незнания противника, такого невежества, наконец, как во французских газетах, я и вообразить себе не мог... Даже в таких дельных газетах, как, например, «Temps», попадают известия вроде того, что прусские унтер-офицеры идут за шеренгами солдат с железными прутьями в руках, чтобы подгонять их в бой, и т. п... И это говорится в то время, когда вся Германия из конца в конец поднялась на исконного врага»...

А враг действительно был старинный – со времён ещё Тридцатилетней войны и последовавшего за ней Вестфальского мира 1648 года, по которому Франция отторгла от Германии Эльзас и добила юридическое закрепления германской раздробленности на ворох мелких «королевств» и «княжеств».

Владетельная шваль одинакова везде – что в России раннего средневековья, что в абсолютистской Европе. Русские удельные князья, разодрав единую Киевскую Русь на уделы, «обеспечили» России трёхсотлетнее татарское иго... Французские герцоги и графы – Столетнюю войну во Франции. А германские «великие» князьки, желая быть «владельцами», более двухсот лет преграждали путь Германии к объединению. Но помогли им в этом «вестфальские» принципы и идеи.

Недаром даже через десятилетия после Седана канцлер Германской империи фон Бюлов, выступая 14 ноября 1906 года в рейхстаге, напоминал: «Вестфальский мир создал Францию и разрушил Германию».

Теперь, когда Германия возродилась и на поднятый меч отвечала поднятым мечом, французы не проявили в своем противостоянии с ней ни ума, ни чувства меры, ни благородства. Официальный «Jornal officiel» уверял, что цель войны со стороны Франции – возвращение немцам их свободы (!). Журнал «Soir» восклицал: «Наши солдаты так уверены в победе, что ими овладевает как бы некий скромный страх перед собственным неизбежным триумфом»!

Это было написано за месяц до Седана!

Каково?

Одновременно парижская газета с названием «Свобода» нахваливала некоего Марка Фурнье за его статью в «Paris-jornal», где было сказано дословно: «Наконец-то мы узнаем сладострастие избиения. Пусть кровь пруссаков льётся потоками, водопадами, с божественной яростью потопа! Пусть подлец, который посмеет только сказать слово «мир», будет тотчас же расстрелян как собака и брошен в сточную канаву»...

Словами дело не ограничивалось... Немцев избивали (не на поле боя, а мирных немцев, живших во Франции) и особым постановлением изгоняли (всех подчистую) из французских пределов. Тургенев отмечал: «Разорение грозит тысячам честных и трудолюбивых семейств, поселившихся во Франции в убеждении, что их приняло в свои недра государство цивилизованное».

В то время Пруссия прочно считалась другом России. Эта дружба, начинавшаяся на полях «Битвы народов» при Лейпциге, где русский и прусский солдаты плечом к плечу стояли против Наполеона, постоянно укреплялась и растущими экономическими взаимными оборотами. Однако петербургская печать самым странным образом с пеной у рта протестовала «против немецких захватов». А корреспондент «Биржевых ведомостей» сообщал, что, дескать, в Бадене кричат: «Смерть французам!», и отдыхающие там русские барыни вследствие этого перешли, мол, на русский язык.

Находившийся, как мы знаем, в самом Баден-Бадене Тургенев заметил на это: «Г-н корреспондент достоин быть французским хроникёром: в его заявлении нет ни слова правды».

На деле наши барыни по-прежнему предпочитали русскому языку французский с нижегородским акцентом. И щипали корпию не только для немецких, но и для французских раненых, с которыми (как и вообще с пленными) немцы вели себя тогда по-рыцарски в отличие от французов. «Благородные» шевалье призвали на европейскую войну, как писал Тургенев, «звероподобных тюркосов (*алжирских арабов*. – С. К.)», и те обращались с немецкими пленными, ранеными, врачами и сёстрами милосердия далеко не благородно.

Впрочем, и цивилизованный природный француз – политик Поль Гранье де Кассиньяк – отказывал женевавскому Красному Кресту в субсидиях на том основании, что он-де будет заботиться не только о французских, но и о немецких жертвах войны. Невольно вспоминается заявление генерала графа Дюма во времена наполеоновской оккупации Дрездена. Когда город осадили союзные русско-прусские войска, Дюма объявил: «Скорее все жители города обратятся в трупы, нежели один-единственный французский солдат умрёт с голоду».

До этого, правда, не дошло – Дрезден быстро занял незабвенный Денис Давыдов.

Приведу вновь свидетельство Тургенева, неплохо разбиравшегося и в политике, и в словесном выражении человеческих мыслей и устремлений: «Нельзя не сознаться, что прокламация короля Вильгельма при вступлении во Францию резко отличается благородной гуманностью, простотой и достоинством тона от всех документов, достигающих до нас из противного лагеря; то же можно сказать о прусских бюллетенях, о сообщениях немецких корреспондентов: здесь – трезвая и честная правда; там – какая-то то яростная, то плаксивая фальшь. Этого, во всяком случае, история не забудет».

Впоследствии, увы, всё сложилось так, что последний прогноз Ивана Сергеевича не оправдался. Только потому, что Германия-Пруссия, выиграв франко-прусскую войну, не отказалась воспользоваться плодами победы, советская «История дипломатии», например, оценила линию Пруссии как «захватническую» и «несправедливую».

А вот Ленин, к слову, был в своей исторической оценке спокоен: «Во франко-прусской войне Германия ограбила Францию, но это не меняет основного исторического значения этой войны, освободившей десятки миллионов немецкого народа от феодального раздробления и угнетения двумя деспотами – русским царём и Наполеоном III».

Не стоит подозревать Ленина в германофильстве. В августе 1915 года, в разгар Первой мировой войны, он писал: «Не дело социалистов помогать более молодому и сильному разбойнику (Германии) грабить более старых и обожравшихся разбойников (*Англию и Францию*. – С. К.)».

Ленин был прав как во второй своей оценке, так и в первой. Накануне франко-прусской войны вопрос об объединении Германии встал особенно остро. В 1867 году был создан Северогерманский союз, по конституции которого прусский король Вильгельм Первый возглавлял германские государства к северу от реки Майн в качестве «президента» союза, его верховного военного главы и руководителя дипломатии.

Южные немецкие государства – Бавария, Гессен, Вюртемберг – заключили с Северогерманским союзом соглашения. И для Вильгельма, и для Бисмарка, и для народной немецкой массы новое положение вещей было лишь прологом к единой Германской империи.

Тургенев комментировал происходящее так: «Неужели можно одну секунду сомневаться в том, что какой-то народ на месте немцев, в теперешнем их положении, поступил бы иначе?».

Да, Германия включила в свои пределы Эльзас и Лотарингию, но не только по праву победителя, а и потому, что французский, например, город Страсбург был основан как немецкий Страсбург и присоединён к Франции лишь в 1681 году, через тысячу лет после своего основания! Имена создателей знаменитого Страсбургского собора: Эрвин из Штейнбаха, Ульрих из Энсингена, Иоганн Гюльц из Кёльна – говорят сами за себя... А так называемая «Страсбургская присяга», данная 14 февраля 842 года близ Страсбурга, оказалась одновременно памятником и старофранцузского, и древненемецкого языка. Тогда два младших внука Карла Великого клялись совместно действовать против их старшего брата Лотаря. Людовик Немецкий (будущий король Германии) клялся на немецком, а Карл Лысый (будущий король Франции) – на французском языке. Иными словами, права на эти земли были, в общем-то, и у немцев, и у французов спорными и равными.

Крах Второй французской империи отдал первенство немцам.

После Седанской катастрофы Версаль стал штаб-квартирой прусского короля Вильгельма. В Зеркальном зале Версальского дворца 18 января 1871 года и была провозглашена Германская империя. Вильгельм стал первым германским императором – кайзером.

Прошло почти полвека, и положение двух стран поменялось противоположно: в Первой мировой войне потерпела поражение Германия. Великодушие не относится к добродетелям властителей европейских народов. Из поколения в поколение они жадны, жестоки и мелочно мстительны. Лишний раз это подтвердил премьер Французской республики Жорж Бенжамен Клемансо. Именно стены Зеркального зала избрал он в свидетели унижения теперь уже Гер-

мании в отместку за Седан. Так в Версале был подписан последний в его «дипломатической» истории важный международный акт – Версальский мирный договор 1919 года.

Это произошло после заключения предварительных условий мира во французском штабном вагоне в Компьенском лесу 11 ноября 1918 года. Пройдёт ещё двадцать лет, и опять капитулирует Франция. Гитлер прикажет притащить Компьенский вагон, чтобы подписать капитуляцию обязательно в нем. Можно было бы обойтись и без дешёвой символики, но не забудем: Гитлер всего лишь следовал по стопам Клемансо.

ГОСУДАРСТВА начинали, вели, выигрывали и проигрывали войны, народы при этом исправно платили дань золотом и жизнями. Такое распределение обязанностей не было чем-то новым, но после франко-прусской войны масштабы и характер политики «железа и крови» становились совсем другими. С этой поры началась новая история мира, потому что в мир пришёл новый мощный и динамичный фактор его преобразования – объединённая имперская Германия.

Примерно в те же годы окончательно сложился и ещё один серьёзнейший фактор – мировой финансовый капитал, то есть банковский капитал, активно сращённый с торговой и промышленной жизнью капиталистического мира и управляющий этим миром.

Академик Е. В. Тарле в конце 20-х годов – что называется, по ещё не остывшим следам – написал книгу «Европа в эпоху империализма. 1871–1919 гг.». Блестящий историк-энциклопедист, он не мог написать неинтересно, но далеко не всегда он проникал в суть событий глубоко... Возможно, сказала любовь к Франции и нелюбовь к Германии, но картина эпохи повернута в книге Тарле как-то боком... Свет анализа падает на неё так, что многое важное не заметно из-за неверных бликов, зато малосущественное бросается в глаза не по истинному своему значению.

Об эпохе, предшествовавшей Первой мировой войне, Тарле в обычной для него яркой манере писал: «Намечалась грандиозная внешняя борьба, столкновение самых гигантских сил, какие только видело человечество. Могущественно организованный финансовый капитал и в Англии, и во Франции, и в Германии, двигая, как марионетками, дипломатией, всюду вёл систематически провокационную политику. Могущественные экономические силы более отсталых стран, вроде России и Италии, действовали в том же духе...».

Всё это хорошо и верно, но...

Но Евгений Викторович так и не пришёл к генеральной, основополагающей мысли о том, что «столкновение самых гигантских сил» намечалось прежде всего кое-кем, находившимся за океаном, что фактическая режиссура в театре политических марионеток Золотого Капитала всё решительнее переходила в руки дяди Сэма.

Увы, не поняв этого, Тарле ошибся и во многом другом, увидев смертельного врага России в Германии, хотя именно Германия могла быть для России наиболее подходящим партнёром во внешнем мире.

Объединение Германии произошло не благодаря «железу и крови» в первую очередь. Смысл этих слов Бисмарка переврали сразу же после их произнесения, а они для происходившего не были ключевыми. Германию объединило стремление десятков миллионов немцев, осознавших, что их подлинная Родина – не Баден, Вюртемберг, Гессен или Дармштадт, а Германия, разобшённая на протяжении веков и поэтому на протяжении веков ослабленная. Теперь она объединялась, и в новой Европе очень многое зависело от того, как сложится судьба германо-российских связей.

Именно их.

Наступали новые времена, и период от версальского триумфа Вильгельма до версальского триумфа Клемансо (только вот Клемансо ли?) задал тон событиям на весь двадцатый

век. Поэтому нам просто необходимо, читатель, хотя бы галопом проскочить по «Европам» тех лет, чтобы разобраться в собственном времени.

Нет лучшего «романа» о молодом империализме, чем ленинский труд «Империализм, как высшая стадия капитализма». Он полон фактов и цифр, которые никак нельзя назвать сухими – так много в них слез, пота, крови, жадной слюны, нефти и керосина, финансовых бурь, океанских вод, золотых дождей и водопадов политиканского красноречия...

По накалу изображённых страстей страницы этого ленинского «романа» могут соперничать сразу с Шекспиром и Мольером одновременно. Возможно, читатели подумают, что я преувеличиваю? Отнюдь нет. Часто цитируемый Лениным, далеко не литературный берлинский журнал «Банк» считал, что «на международном рынке капиталов разыгрывается комедия, достойная пера Аристофана».

И этот же журнал не скрывал, каковы гонорары «актёров»: «уступка в торговом договоре, угольная станция (*то есть лишний порт в далеких водах для заправки грузовых судов, а при необходимости и дредноутов.* – С. К.), постройка гавани, жирная концессия, заказ на пушки...».

Последнее становилось всё более нужным. Почти одновременно с версальскими речами Вильгельма, в 1872 году, английский еврей Дизраэли – лидер аристократичных консерваторов, бывший и будущий премьер-министр Её Королевского величества Виктории и будущий лорд Биконсфилд – выступал в Хрустальном дворце в Сайденхэме близ Лондона.

Бывшее главное выставочное здание Всемирной Лондонской выставки 1851 года было насквозь пронизано солнцем, и это не метафора. Железный каркас дворца заполняли стеклянные плиты: Кристалл Пэлас задумывался как символ светлого, обеспеченного новыми возможностями общества. Однако Британии *этого* — лондонского – солнца было уже мало. Для Дизраэли существовало лишь светило, долженствующее не заходить над Британской империей, к расширению которой он и призывал.

Дизраэли, друг Ротшильдов, знал, что говорил. Знал, что говорил и его преемник лорд Солсбери, разъяснявший новую колониальную политику Британии так: «Раньше мы фактически были хозяевами Африки, не имея надобности устанавливать там протектораты или нечто подобное – просто в силу того, что мы господствовали на море». Теперь же приходилось расширять и *формально* закреплять своё присутствие, ибо господствовать в мире хотел не только британский лев.

К тому же к концу XIX века положение лордов хотя и было внешне прочным, но только внешне. Сесиль Родс (по имени которого долгое время часть Африки называлась «Родезия») говорил в 1895 году своему другу, журналисту Стэнду: «Я посетил вчера одно собрание безработных. Когда я послушал там дикие речи, которые были сплошным криком: «хлеба, хлеба!» – я, идя домой и размышляя об увиденном, убедился более, чем прежде, в важности империализма. Мы должны завладеть новыми землями для помещения избытка населения, для приобретения новых областей сбыта товаров, производимых на фабриках и в рудниках. Империя есть вопрос желудка. Если вы не хотите гражданской войны, вы должны стать империалистами...».

Родс, конечно, недоговаривал, что если вы хотите быть империалистами, то вы обязательно должны хотеть и войны – империалистической, *внешней*. Во-первых, она быстро и навечно помещает часть избытка населения в «новые земли» и обеспечивает быстрый оборот стали, меди, хлопка и солдатских пайков... Во-вторых, без такой войны не обойтись просто потому, что не одни ведь английские лорды задумывались над увиденным в рабочих кварталах. Давление масс начинала ощущать правящая элита всех развитых стран. Соответственно, и война нужна была не одной Британии.

Во Франции крах Второй империи привёл вначале к установлению не Третьей буржуазной республики, а социалистической Парижской Коммуны. И после 1871 года понятие «вер-

сальцы» во Франции приобрело вполне определённое значение – это были те буржуазные войска, которые пришли из Версаля в Париж и расстреляли надежды рабочих у стены кладбища Пер-Лашез. Остались могилы, однако не исчезли надежды и память. Поэтому у французских собратьев Родса по классу тоже болела голова о новых землях и рынках. Тем более что они-то знали, что это такое – гражданская война.

Начинала постепенно закипать и Америка. Первого мая 1886 года в Чикаго рабочие забастовали и вышли на демонстрацию с требованием 8-часового рабочего дня. Вместо этого многие из них получили 9 граммов свинца, но свинец – не всегда подходящая социальная «пища» для масс. Пока что, правда, первая «маевка» погоды не сделала, и будущий президент США Теодор Рузвельт писал в том мае сестре Анне: «Мои здешние рабочие на ранчо – люди, занятые на изнурительной работе, их рабочий день длиннее, а заработная плата – не выше, чем у многих стачечников; но они американцы до мозга костей. Я бы хотел, чтобы они оказались со мной рядом против мятежников; мои люди хорошо стреляют и не знают страха».

Подход, впрочем, не отличался особой новизной даже для Америки. Президент Пенсильванской железной дороги Томас Скотт шестью годами ранее высказался следующим образом: «Покормите рабочих-забастовщиков пулемётными очередями в течение нескольких дней, и вы увидите, как они примут этот вид питания».

Пули, однако, были только временным решением проблемы. В начале XX века 1 (один) процент «американской нации» владел 47 (сорока семью) процентами национального богатства. Для «самой свободной страны» соотношение несколько неожиданное. И могли прийти такие времена, когда даже «американцы до мозга костей» не пожелали бы заниматься от зари до зари изнурительным трудом ради того, чтобы полковник Рузвельт и ему подобные забавлялись уничтожением последних американских бизонов на грандиозных охотах.

Это достаточно быстро понял и сам бравый полковник. В 1894 году экономический кризис в США, лишивший работы 3 миллиона человек, породил такое явление, как «марш безработных» на Вашингтон во главе с Джейкобом Кокси из Огайо. 11 мая 1894 года началась забастовка на заводах Пульмановской вагоностроительной компании. Пиком её стали волнения 5 июля, когда был сожжён вокзал и 700 вагонов. К 3 августа забастовку удалось подавить силой, но это была лишь временная победа. И уже в 1897 году Рузвельт пишет ряд «социальных» статей, одна из которых прямо называлась: «Как же не помочь нашему бедному брату».

Нет, Рузвельт – теперь уже губернатор штата Нью-Йорк – не изменился. Добиваясь уступок рабочим от промышленников, он держал наготове национальную гвардию. После того как он стал президентом, его резервом стали федеральные войска. Всё же это был прогресс: пули уже не приходили ему на ум как первый и самый надёжный аргумент. В 1899 году он писал своему другу, лорду Спринг Райсу: «Мы должны решать огромные проблемы, возникающие из отношений между трудом и капиталом. В предстоящие пятьдесят лет нам придётся уделять этому вопросу гораздо больше внимания, чем экспансии...».

Рузвельт лгал даже старому другу: Капитал США уделил внимание рабочему вопросу только после того, как США в 1929 году оказались на грани социальной революции. Уводить от неё Америку Капитал доверил тогда Франклину Делано Рузвельту – кузену Теодора Рузвельта. А вот экспансию начал уже он сам...

Именно США провели в 1898 году первую империалистическую войну. Это была война с Испанией за новые колонии. Впрочем, ещё до этого, в 1893 году, янки оккупировали Гавайские острова. В 1898 году Рузвельт не был президентом, но его младший друг и единомышленник, писатель и журналист Уильям Уайт писал: «Когда испанцы сдались на Кубе и позволили нам захватить Пуэрто-Рико и Филиппины, Америка на этом перекрёстке свернула на дорогу, ведущую к мировому господству. На земном шаре был посеян американский империализм. Мы были осуждены на новый образ жизни».

Как всё же глуп оказался мир, если забыл эти чёрные слова Уайта и всё более поддаётся господству США, омертвляющему мир.

Лицемерие всегда было такой же фамильной чертой американской элиты, как и напористая наглость. Уайт подтвердил это лишний раз: по нему выходило, что если бы не «слабаки»-испанцы, то добрый дядя Сэм сидел бы себе спокойно меж двух океанов и никуда оттуда не порывался бы. Тут всё было поставлено, конечно, с ног на уши. Не слабость Испании «повернула» Америку к экспансии, а Капитал Америки, набрав силу, двинулся по пути к мировому господству, отшвырнув пинком одряхлевшую Испанию.

Испано-американская война началась, между прочим, с того, что 15 февраля 1898 года американский крейсер «Мэйн» был взорван в порту Гаваны якобы испанской миной. Погибло 260 моряков, началась газетная кампания в поддержку интервенции на Кубу «для защиты гражданского персонала США и американской собственности»...

Война длилась недолго: начавшись 24 апреля 1898 года, она уже с 26 июля перешла в фазу «мирных» переговоров, а 10 декабря 1898 года завершилась «мирным» Парижским договором, по которому Испания отказалась от претензий на Кубу, передала Америке в качестве военных репараций Пуэрто-Рико и остров Гуам и за компенсацию в 20 миллионов долларов уступила Филиппины.

Что же до «Мэйна», то когда много лет спустя затонувшее судно подняли со дна моря, оказалось, что взрыв-то был, но *изнутри!*

ЭЛИТА Америки начинала считать себя элитой мира, однако в Старом Свете были люди, думавшие и иначе, чем те же Рузвельт и Уайт. Лорд Керзон в 1892 году писал: «Афганистан, закаспийский район, Персия – это для меня клетки шахматной доски, на которой разыгрывается партия; ставка в ней – мировое господство».

Керзон имел в виду, конечно, господство Британии. И тогда оно было реальностью. К 1900 году Великобритания владела 33 миллионами квадратных километров (в 109 раз больше самого Британского Острова!), на которых жило 368 миллионов человек. Четверть земного шара и четверть населения мира! Индия была здесь лишь главной жемчужиной в британской короне, а Суэцкий канал – английской удавкой на горле мировой торговли.

Нельзя сказать, что никто в той же России не видел тогда зловещего характера перспективной англосаксонской политики по обе стороны Атлантики. Так, несправедливо забытый русский геополитик, Генерального штаба генерал-майор Алексей Ефимович Вандам (Едрихин) писал в своем труде «Наше положение» в 1912 году:

«Простая справедливость требует признания за всемирными завоевателями и нашими жизненными соперниками англосаксами одного неоспоримого качества – никогда и ни в чём наш хваленый инстинкт не играет у них роль добродетельной Антигоны (*в греческой мифологии дочь царя Фив Эдипа, сопровождавшая слепого отца в его скитаниях.* – С. К.). Внимательно наблюдая жизнь человечества в её целом и оценивая каждое событие по степени влияния его на их собственные дела, они неустанной работой мозга развивают в себе способность на огромное расстояние во времени и пространстве видеть и почти осязать то, что людям с ленивым умом и слабым воображением кажется пустой фантазией. В искусстве борьбы за жизнь, то есть политике, эта способность даёт им все преимущества гениального шахматиста над посредственным игроком. Испещрённая океанами, материками и островами земная поверхность является для них своего рода шахматной доской...».

Вот как точно сказано – на вырост, на век вперёд! Уже в начале XX века Вандам писал о «шахматной доске» англосаксов, а Збигнев Бжезинский в конце этого века назвал свою книгу «The Grand Chessboard» («Великая шахматная доска»).

Вряд ли здесь требуются отдельные комментарии, но я приведу ещё одну оценку англосаксов Вандамом: «Земная поверхность является для них своего рода шахматной доской, а

тщательно изученные в своих основных свойствах и в духовных качествах своих правителей народы – живыми фигурами и пешками, которыми они двигают с таким расчётом, что их противник, видящий в каждой стоящей перед ним пешке самостоятельного врага, в конце концов теряется в недоумении, каким же образом и когда был сделан роковой ход, приведший к проигрышу партии...».

Тогдашние правители России не прислушались к Вандаму, что и привело их к краху. Сегодняшние правители России не более дальновидны, чем царь и его советники...

Интересно, чем это закончится для России?

Вернёмся, впрочем, на рубеж XIX и XX века... В 1901 году президентом США стал Теодор Рузвельт... Англичане контролировали Суэцкий канал, а Соединённые Штаты Рузвельта готовились затянуть – ту же некуда – свободу Центральной и Южной Америки «удавкой» канала Панамского. Однако полными хозяевами янки даже в Западном полушарии ещё не были. Имея груды золота, они не имели пока мощного флота, и поэтому бразильские, например, железные дороги строились в основном на французские, бельгийские, британские и немецкие капиталы. За нехваткой линкоров Штаты орудовали тогда больше принципами политики «открытых дверей» и «равных возможностей».

Под «равными возможностями» при этом понималась возможность любых действий США во внешнем мире и невозможность любых действий внешнего мира в самих США...

При всём при том Соединённые Штаты проникались сознанием будущей роли властелина мира XX века. Причём новый, сверхдержавный, настрой присутствовал не только в тайных планах, но проявлялся даже на уровне массового сознания. Великий американский писатель О'Генри написал своих «Королей и капусту» в 1904 году, за десять лет до Первой мировой войны. И уже тогда его «звёздно-полосатый» консул в банановой Анчурии говорил о США как о «самой великой, твёрдодолговой и золотозапасной державе мира...». А ведь *тогда* этого и в помине ещё не было! США тогда были самым великим в мире *должником!*

Франция, хотя и потерпела Седанское фиаско (при необходимости выплачивать пруссакам солидные репарации), сумела отхватить второй после Британии «колониальный» приз – 11 миллионов квадратных километров колоний с 50 миллионами полурабов. На французском языке получала приказы треть Африки! Но Франция в этой гонке оставалась далеко позади Англии. Зато она отыгрывалась в Европе, о чём ещё будет сказано.

Слово «гонка» тут выражало самую суть. Во второй половине девятнадцатого века паруса уступали пару. Флоты держав мчались по земному шару, как на регате. И мир был окончательно поделён между Капиталом разных стран очень скоро.

Мы как-то склонны считать, что он был поделён между европейскими державами уже во времена сэра Френсиса Дрейка, королевы Елизаветы и Лаперуза. Однако что нужно было Европе в XVII–XVIII веках от огромного внешнего мира? Табак, чай, кофе, пряности, экзотические краски, ценные породы дерева, фрукты и ещё кое-что по мелочам.

Поэтому до XIX века планета была, по сути, «бесхозной». Только прогресс техники и знаний быстро вызвал к жизни множество новых потребностей, в том числе и потребность для Запада колониальных захватов. Недавно открытая таблица Менделеева из чисто научного достижения на глазах превращалась в торговый преysкурant. Бросовые земли, изгаженные пятнами нефтяных выходов, начинали цениться дороже золотоносных жил...

В 1876 году – через пять лет после Седана – колонии занимали лишь десятую часть «Чёрного континента», а к 1900 году – уже девять десятых! В то время полностью была захвачена Полинезия, а в Азии доделили ранее неприбранное к рукам. Формально независимыми там оставались лишь Турция, Аравия, Персия, Афганистан, Китай и Сиам.

Впрочем, и там «белые» капиталы резвились вовсю, исключая разве что Афганистан.

Россия обходилась без колоний, она даже отказалась принять в русское подданство земли, открытые в Южном полушарии Миклухо-Маклаем. Зато Российская империя царя

Николая не отказывалась быть полуколонией сама. Английские исследователи Тьюгенхэт и Гамильтон писали, что нефтяные поля Баку уже в 1888 году давали два с половиной миллиона тонн нефти на площади всего в несколько десятков квадратных километров. Некоторые скважины самопроизвольно фонтанировали на высоту более 90 метров. Семье Нобелей лишь одна из этих скважин давала более миллиона галлонов нефти в день. То есть каждый день – *состояние*.

Тьюгенхэт и Гамильтон сравнивали расточительность и богатство некоторых нефтепромышленников с атмосферой во дворцах золотоордынского Кубилай-хана. У одного «нефтяного короля» имелся дворец из золотых плит, другой хранил нефть в цистернах из платины, все ввозили из России множество красивых женщин и имели наёмные войска «кочи» из разорившихся грузинских дворян для охраны и защиты друг от друга.

Вот какую жизнь вела за счёт российских недр мировая «золотая» сволочь. А что имела Россия? Тьюгенхэт и Гамильтон этого не скрыли: скученность рабочих барачков и за каторжный труд – хлеб пополам с водой.

В придачу Россия получила к 1913 году ещё и... острый топливный «голод»: добыча нефти уменьшилась по сравнению с 1901 годом на 2 миллиона тонн. Нефтепромышленники ссылались на «естественное истощение недр». На самом же деле ради взвинчивания цен новые нефтеносные поля консервировались, на старых сокращалось бурение. Закрывались нефтеперегонные заводы.

Мир был поделён на территориальные куски, но капиталы проникали через любые границы беспрепятственно и брали в долговую кабалу не менее крепко, чем белый плантатор – чёрных рабов в колодки.

Вот так же брали в кабалу и богатейшую, но стреноженную идиотизмом властей Россию. По сравнению с Англией, Франции не очень-то повезло с колониями вне Европы, зато она взяла своё в самой Европе. Англия размещала за границей суммарно в два раза больше капитала, чем Франция, однако на каждый «европейский» английский миллиард приходилось почти шесть миллиардов французских!

И почти треть заграничных французских капиталов вкладывалась в Россию. А это почти автоматически обеспечивало французским рантье миллионы русских мужиков со штыками на их стороне в любом крупном конфликте.

КОНФЛИКТ же зрел. Причём претендентов на одно мировое господство было даже не три, а целых четыре. В Большую тройку (США, Англия, Франция) энергично прорывалась Германия, превращая её в Большую четвёрку Капитала. При этом германский Капитал был и более национальным, чем англо-французский (и уж тем более – американский), и находился, так сказать, немного «на отшибе» из-за самобытности и новизны.

После полного разгрома французской армии при Седане кайзер Вильгельм I, поднимая бокал за своих сподвижников, сказал: «Вы, генерал Роон, отточили наш меч, вы, генерал Мольтке, управляли им, а вы, граф Бисмарк, своей политикой в течение нескольких лет вознесли Пруссию на теперешнюю высоту».

Несмотря на достаточно почтенный возраст и самого автора тоста, и его адресатов, сам такой тост говорил о государственной молодости: вялый монарх в окружении расслабленных царедворцев ничего подобного сказать не сумеет. В той же имперской Британии конца XIX века подобные энергичные тосты были невозможны, несмотря на весь империалистический пыл Редьярда Киплинга. Там всё катилось по давно накатанной колее. Неугомонные личности вроде Сесилия Родса могли успешно подвизаться лишь на периферии мира, но не в Европе.

А немцы сумели развернуться – и как! – в Европе. Да ещё и силой оружия! И тост кайзера с неприсущей Вильгельму красочной выразительностью отражал очевидный факт: германский

Рейх возрос на умно выстроенном милитаризме, и это было особенностью лишь германского империализма.

Капитал США развивался, правда, ещё более энергично, но более богатый Капитал США развивался, не имея ни малейших внешних военных угроз, и поэтому мог позволить себе аж до 1917 года роскошь показного миролюбия и пацифизма.

Париж, конечно, обворожительней Берлина. Поддаваясь вековому обаянию «столицы мира», кое-кто склонен восхищаться Францией и возводить напраслину на Германию. И, скажем, романист Валентин Пикуль в манере легкомысленного парижанина сообщает читателю, что бедный-де провинциальный немецкий Вертер возрос как на дрожжах на контрибуции с Франции в пять миллиардов франков, «на грабеже».

И как-то остаётся за пределами *романических* строк, что изначально эти контрибуции были обеспечены новейшими стальными пушками Крупна, а сами эти пушки были созданы трудом и талантом немецких ученых, инженеров и рабочих. Забывалось и то, что Франция, Англия, Голландия, Бельгия получали намного бóльшие «контрибуции» тоже на грабеже, причём зверском грабеже колониальных народов.

Русский же военный атташе во Франции граф Игнатъев позднее справедливо признавал, что «франко-прусская война была выиграна не только Мольтке, но и германским унтер-офицером, сельским учителем»...

Впрочем, и сам Вильгельм I имел тут, наверное, положительное значение. Вот его вполне достоверная (из «Большой Советской энциклопедии» 1928 года) характеристика: «В личной жизни был очень скромн, бережлив, несловоохотлив, чрезвычайно пунктуален и добросовестен в работе». Качества, красящие и простого человека, а уж монарха – тем более.

Иногда немецкое национальное самосознание и гордость пробуждали в немцах средствами, вообще неординарными для XIX века... В Париже – за четыре года до первого версальского триумфа немцев – на Второй всемирной выставке 1867 года был устроен так называемый «европейский концерт». За первенство на европейской арене (пока что всего лишь музыкальной) сражались военные... оркестры.

И вот как Владимир Васильевич Стасов описывал итоги «сражения капельмейстеров»: «Первыми были признаны оркестры австрийский и прусский – с этим нечего было делать, их превосходство было уже слишком ощутительно для самих французов... Услышав австрийцев и пруссаков, сам император (*Наполеон Третий*. – С. К.) воскликнул: «Вот настоящие образцы военной музыки! Вот чего нам надо добиваться»...

Пруссаки, правда, не дали французам времени ни для того, чтобы отточить музыкальное мастерство, ни для того, чтобы отточить шпаги.

А вот ещё одна символичная деталь: в самый первый день франко-прусской войны пруссак Андерсен выиграл в Баден-Бадене матч против самых сильных шахматистов Европы.

Всё это *вместе* — упорная повседневная работа «верхов», усилия народной немецкой массы, военная победа над Францией и, да, пятимиллиардные репарации – обеспечило бурный рост экономики Второго Рейха. В 1873 году наступил кризис, потребление упало вдвое. Однако германское производство, а значит, и германская мощь росли.

И с 1884 года начинаются уже германские колониальные захваты: Камерун, Того, Маршалловы острова. Появляются Германские Юго-Западная и Восточная Африка, в Океании – архипелаг Бисмарка, Земля Императора Вильгельма.

В предпоследний год XIX века Германия, пользуясь испано-американской войной, включает в состав империи Каролинские, Марианские острова и западную группу островов Самоа.

Посреди колониального бума в 1891 году оформился и ультранационалистический Пангерманский союз, цели которого полностью определялись самим названием. Один из его идеологов, генерал Фридрих фон Бернгарди, заявил: «Мы должны обеспечить германской нации и германскому духу на всём земном шаре то высокое уважение, которого они заслуживают».

В желании, чтобы тебя заслуженно уважали, ничего плохого нет. Плохо было то, что сам же Бернгарди и пояснял: «Наши политические задачи невыполнимы и неразрешимы без удара меча»...

ЕЩЁ НЕДАВНО на карте мира вообще не было германского Рейха, а к началу двадцатого века он стал третьей колониальной державой, хотя и уступал здесь даже Франции в четыре раза по площади колоний и их населению. Вышла Германия на третью позицию и по вывозу капитала, почти сравнявшись в общем итоге с Францией. Причём половину капитала Германия размещала в Европе, и тут лишь чуть отставая от Франции. Была и особенность: почти треть заграничных капиталов Рейх направлял в Америку – 10 миллиардов марок.

Планетный финансовый капитал распределялся тогда так... В мире было примерно на 600 миллиардов франков ценных бумаг. Из них на долю Англии приходилось 142 миллиарда, Соединённых Штатов – 132, Франции – 110 и Германии – 95. Если кого-то интересует Россия, то могу сообщить: 31 миллиард против 24 миллиардов Австро-Венгрии и 12 миллиардов Японии. За десяток миллиардов переваливали также Италия – 14 и Голландия – 12,5 миллиардов.

Формально царская Россия по многим валовым показателям была четвёртой державой мира, но не только по душевым, но и по определяющим экономическим показателям не входила, пожалуй, даже в мировую «десятку»...

Хозяева мировых капиталов объединялись в наднациональные картели и делили сферы влияния. Без особого шума и учредительных конгрессов оформлялся мировой «Золотой Интернационал». По самой его природе о добром согласии речи тут быть не могло. Согласие было, но непрочное, злое. Уж очень неравномерно всё это было распределено – колонии, капиталы, дивиденды и экономические возможности.

Штаты, как промышленная и финансовая держава, могли быстро выйти на первую позицию, Германия – на вторую. А наднациональный рельсовый картель две трети внешних рынков отдавал Англии. Керосиновый рынок был поделён между американским «Керосиновым трестом» Рокфеллера и хозяевами русской нефти Ротшильдом и Нобелем. Втиснуться между ними для Германии означало попасть между двумя жерновами. Зато возникающий электрический рынок поделили американская «General Electric» и германская «А. Е. Г.». Первая получила Штаты и Канаду, вторая – Германию, Австрию, Россию, Голландию, Данию, Швейцарию, Турцию и Балканы. Владычица морей Британия явно оставалась здесь «на мели», зато легко обходила две электрические сверхдержавы на колониальных курсах...

Но и на морях Германия кое-где уже обходила Англию. Две крупнейшие немецкие судоходные компании «Северогерманский Ллойд» и «Гамбург-Америка линии», на портале гамбургской конторы которой красовалась надпись: «Поле моей деятельности – весь мир», имели вместе 148 судов общей вместимостью 770 тысяч тонн. Три английские – «Бритиш-Индия стим навигейшн», «Уайт стар лайн» и «Кунард» – имели 155 судов вместимостью 700 тысяч тонн. Впрочем, вскоре обеими немецкими фирмами завладел Джон Пирпонт Морган. Тевтонский патриотизм патриотизмом, а доллары и в Германии доллары.

Общая картина была пёстрой, и состоявшийся раздел мира будущего *передела* не отменял. Наоборот, развитие мирового империализма делало неизбежной схватку за новый передел мира. Интересы были разнородными, а одинаковым – лишь стремление к максимальной наживе и обеспечению условий для неё.

Впрочем, на рубеже двух веков все основные участники будущего мирового конфликта однажды объединились в идеально сплоченную, дружную коалицию. И вряд ли когда-либо до этого и позже история знала союз более прочный, более согласованный и искренний, движимый более едиными идеями. Произошло же это геополитическое чудо в Китае.

Со второй половины девятнадцатого века в Китай за прибылью не ходили только ленивые. Особенно отличались янки, но и немцы, англичане и прочие прибирали прибрежный

Китай с такой жадностью, что не выдержали даже многотерпеливые в своём конфуцианстве китайцы. Тайное общество с убедительным названием «Ихэцюань» («Кулак во имя справедливости и согласия») начало готовить восстание. В 1899 году оно началось.

Вот тут и случилось «великое единение» наций, а точнее мировой элиты, в рамках подавления восстания в Китае. В «цивилизованных» странах восстание ихэтуаней назвали «боксёрским», но китайские крестьяне, ремесленники, кули и мелкие торговцы дрались преимущественно голыми кулаками. Зато кулак интервентов во имя *несправедливости* был надежно защищён. И защищён не кожей и шерстью боксёрской перчатки, а сталью и свинцом. В интервенции приняли участие Германия, Япония, Италия, Англия, США, Франция, Россия и Австро-Венгрия. Английский адмирал Сеймур командовал объединённой англо-американской эскадрой, германский фельдмаршал Вальдерзее – объединёнными сухопутными войсками.

Борьба против ихэтуаней стала первой совместной мировой акцией Золотого Интернационала. Она же впервые показала, что нет предела единству разноплеменных жрецов Капитала в деле планетного противостояния народам, отстаивающим свои права на своей земле.

Восстание в Китае растянулось на два года, а на заре XX века его подавили зверски.

Да ведь и хищного зверья собралось тогда в Китае порядком: геральдически-аристократические британские львы, бойцовые французские и итальянские петухи, «нормальные» одноглавые орлы и двуглавые пернатые уроды, а также демократически-республиканские слоны и ослы...

И, вопреки всем правилам и нормам научной классификации мировой фауны, все эти хищники относились к одному и тому же семейству шакальих...

Глава 2. Политика премьера Витте против политики канцлера Бисмарка

ЧЕЛОВЕЧЕСТВО входило в двадцатый век, на который возлагали много надежд, поскольку прогресс науки и техники обещал действительно много. Уже в первой трети девятнадцатого века, в 1834 году, Николай Васильевич Гоголь писал: «На бесчисленных тысячах могил возвышается, как феникс, великий 19 век. Сколько отшумело и пронеслось до него огромных, великих происшествий! Сколько свершилось огромных дел, сколько разных образов, явлений, разнородных политических обществ, форм пересуществовало. Какую бездну опыта должен приобрести 19 век! Богатый и обширно развитый наш умный девятнадцатый век, подаривший человечеству таким счастьем в награду его трудных и бедственных странствий».

XIX век Гоголя не оправдал надежд великого русского писателя и его аттестации полностью, но этот век действительно изменил мир неузнаваемо и впервые сделал достоянием человека всю планету.

Что сказал бы Гоголь, глядя на плоды девятнадцатого века в преддверии века двадцатого? Очевидно, это был бы вдохновенный гимн предстоящему окончательному освобождению людей от невежества и бедствий... Ведь новые научные и технологические достижения открывали перед человечеством небывалые возможности для совершенствования общества в интересах всех членов общества!

Однако хрустальные мечты об изобильном, новом «золотом веке» развеялись в последнем столетии второй тысячи лет от Рождества Христова, словно дым от пожара Хрустального дворца, сгоревшего в 1936 году, за три года до начала Второй мировой войны. Не успел век окрепнуть, как в нём началась Первая всемирная война.

Почему так произошло? Окидывая сегодня мысленным взором те годы, можно сказать, что причин оказалось четыре: Британская империя желала иметь над собой незаходящее солнце, кайзера Вильгельма не желали пускать в Париж, Бисмарк рассорился с Россией, а президент Рузвельт дал газетчикам основания изобразить себя в роли садовника на карикатуре с названием «Рузвельт сажает дерево империализма».

И я, в общем-то, не шучу, читатель. Конечно, главной причиной была та, что мировой капитализм двадцатого века просто не мог не попытаться решить свои проблемы мечом. Однако имело своё немалое значение и то, о чём я сказал: жадность английской элиты, высокомерие французской, бездарность русской и особое положение американского Капитала.

Возможно, кто-то уже обратил внимание, что в перечне отсутствует германский компонент. И это не случайно. Германский рейх и германский Капитал тоже были причастны к «созданию» этой чудовищной войны, но они в своих действиях по отношению к внешнему миру были, пожалуй, наиболее убедительны. Выходит, и наименее виноваты.

В 1888 году на 92-м году жизни скончался кайзер Вильгельм I, а через 99 дней правления скончался и его преемник – больной сын Фридрих III. Новым императором Германии стал внук Вильгельма I – 29-летний Вильгельм II (1859–1941).

Кайзер Вильгельм II дважды извещал французов о желании посетить Париж с официальным визитом. Французы неумно отказывали, а самолюбия у Вильгельма было с избытком: с юных лет ему пришлось вырабатывать характер, борясь с последствиями родовой травмы.

Конечно, ещё Маркс сказал, что, поскольку Германия завоевала Эльзас-Лотарингию, Франция будет воевать с Германией. Причём, отмечал Маркс, Франция будет воевать вместе с Россией. Но, хотя в фактическом отношении Маркс попал, что называется, в точку, ход рассуждений его был не так уж и верен: союз Франции и России не программировался автоматически, объективно дела обстояли скорее наоборот.

Тем не менее Маркс точно подметил, что Франция без России противостоять Германии не способна. Как бы галльский петух ни хорохорился, не с германским орлом ему было тягаться. За Францией было добрых два века развития только полностью централизованного государства (не считая ещё трёх веков единого), а Германия, возникнув как целостное государство чуть ли не под конец XIX века, обошла Францию по экономическому развитию за два десятилетия! К такому народу нельзя относиться высокомерно или легкомысленно. А французы поступали именно так.

Так что пангерманисты, пожалуй, имели какое-то право заявлять в 1912 году: «Мы не можем верить, что только мы одни должны довольствоваться той скромной долей, которую уделила нам судьба сорок лет назад».

Кайзер Вильгельм II резонно жаловался королю Италии: «За все долгие годы моего царствования мои коллеги, монархи Европы, не обращали внимания на то, что я говорил. Но скоро, когда мой флот подкрепит мои слова, они станут проявлять к нам больше уважения».

Вильгельм имел в виду короля Англии Эдуарда VII и нашего Николая II. Причём основания для немецких обид были: ни английская, ни русская европейская политика национальным интересам Германии не соответствовали. Эдуард в начале XX века ездил по Европе, подготавливая ту политику, которая изолировала бы Германию и которую он называл «политикой окружения».

Через сто лет, в 2005 году, профессор-экономист итальянского происхождения из университета Вашингтона в Такоме Гвидо Джакомо Препарата в крайне любопытной монографии «Гитлер, Inc. Как Британия и США создавали Третий рейх» провёл исследование мирового политического процесса применительно к англосаксонским корням Первой мировой войны и писал: «Главная цель этого масштабного окружения – не допустить стратегического союза между Германией и Россией: если эти две державы сольются в «братском объятии», то, как не без оснований полагали британские правящие круги, они обеспечат себя такими неисчерпаемыми источниками ресурсов, людей, знаний и военной мощи, что смогут угрожать самому существованию Британской империи в наступающем столетии».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.